

Всё снова повторилось. И впрямь, снова то же самое. Высокомерное положение Юань Чжана, его гордый и холодный нрав, а также самые разные поступки, казавшиеся отступлением от общепринятой морали — в глазах всех вокруг его пристрастие к мужчинам было лишь естественной частью его статуса и характера, привилегией избалованного богача. За спиной даже поговаривали, будто он пренебрегает полезным делом и по собственной воле катится по наклонной; находились и те, кто приравнивал его к тем, кто погряз в пьянстве и разврате — столь же нелепым и легкомысленным людям. Но лишь он сам в глубине души знал правду: его склонность к мужчинам объяснялась не просто нелюбовью к женскому полу и не какой-то особой страстью к смазливим юношам. Им двигало идущее из самой глубины сердца стремление отыскать человека, с которым они могли бы душой понимать друг друга, притягиваться, быть друг для друга неотъемлемой частью жизни и рука об руку пройти весь путь до конца. Этот человек был бы ему и другом, и братом, и единомышленником, и родной душой, и возлюбленным — соперником и спутником, способным противостоять ему в мире чувств на равных, а не стелиться перед ним и угождать, подобно какому-нибудь мальчику для утех. Ему была нужна вовсе не такая связь; вернее, в его мире людей подобного сорта оказалось слишком много, и он уже до предела пресытился ими, из-за чего испытывал безграничное одиночество. Он хотел полюбить такого же мужчину, как он сам — открытого, свободного и непринужденного, что гордо стоит между Небом и Землей. Но только у какого же из подобных мужчин вокруг не окажутся поклонницы и спутницы, восхищенные им? Так было с тем человеком в прошлом, так обстоит дело и с Са Мо сейчас. Неужели эти извечные истины о том, что талантливый муж создан для прекрасной девы, а герой — для красавицы, и впрямь невозможно разрушить? Неужели одаренным людям суждено вечно лишь ценить друг друга издали, а героям — лишь оказывать взаимную поддержку? Он просто хотел переступить эту черту, просто не желал довольствоваться одним лишь взаимным уважением и поддержкой на расстоянии — он жаждал взаимной любви, нежностей щека к щеке, той самой равноправной и пронзительной страсти. О прелестной девушке мечтает благородный муж — это превозносят в веках и передают из уст в уста как прекрасную легенду. Так неужели его настойчивое стремление найти именно благородного мужа — это отступление от норм и падение на дно? Но ведь искренность и чувства, которые в это вкладывают, ничем не отличаются! В чем же разница?

Юань Чжань тяжело вздохнул, и на сердце у него стало бесконечно тоскливо. Казалось, куда ни кинь взгляд по длинному жизненному пути — кругом лишь бескрайняя белая пелена, а он так и будет вечно шагать вперед в полном одиночестве, шаг за шагом, в холоде и тишине. Он даже начал слегка сожалеть: к чему было проявлять столько упрямства и дотошности? Почему нельзя было стать как все остальные — довольствоваться присутствием красавицы рядом, неважно, кто она? Он сожалел и о том, что на этом свете вообще появился столь ослепительный человек, и что ему довелось с ним встретиться. Не повстречай он тот чересчур яркий свет, он бы с радостью довольствовался тусклым мерцанием обычного жилья. Он жалел, что некогда разглядел великое сияние того человека, и жалел, что теперь нашел Са Мо столь неповторимо дорогим.

Са Мо тоже клевал носом, низко опустив голову. От дорожной тряски его голова то и дело падала вперед, а временами его клонило то вправо, то влево. При этом он сидел с абсолютно прямой спиной, сохраняя такую позу, чтобы Шуанье было удобно опираться на него — спать ему приходилось поистине тяжело.

Юань Чжань пересел поближе и придвинулся к нему, позволяя Са Мо опереться головой о свое плечо, чтобы тот мог спать спокойно и крепко. Глядя на Шуанье, которую Са Мо бережно

прикрывал рукой, он поневоле почувствовал укол зависти.

Наконец повозка остановилась, и снаружи послышался голос Саньпао: — Приехали.

Юань Чжань разбудил их, и все трое вышли наружу, разделившись по первоначальному плану на три группы для выполнения каждой своих задач.

Шуанье закинула за спину аптечку и вместе с Са Мо с воодушевлением поднялась на гору. Всю дорогу они неотрывно выискивали что-то в зарослях, то и дело присаживаясь на корточки, чтобы понюхать какие-то травы и бросить их в коробку, а то вдруг ловили в дуплах деревьев насекомых, аккуратно складывали в баночки и возвращали в поклажу. Вот так, не спеша, они добрались до самой вершины и уселись отдохнуть на большой валун. Тут Са Мо, казалось, только вспомнил, что за ними все это время шел Юань Чжань, и обернулся к нему: — Ну как, неплохо здесь, правда?

— И правда, воздух на редкость хороший, — ответил Юань Чжань, а затем поинтересовался: — Что именно вы ищете?

Са Мо загадочно улыбнулся: — Сокровища.

Глаза Шуанье заблестели, выражая дикий восторг: — Раз здесь такие прекрасные места, почему ты не привел меня сюда раньше!

Са Мо хмыкнул: — Помилуй, это же вотчина Авачжая, а ты — стражник из Далисы. Я что, потвоему, привел бы тебя сюда искать смерти? Если бы Сы-нян заранее не замолвила словечко, думаешь, вы смогли бы сюда войти?

Шуанье умолкла, но продолжала с восторгом пялиться на коробку с сокровищами.

Юань Чжань подумал, что разыскиваемые ими вещи, пожалуй, как-то связаны с делом, и больше расспрашивать не стал.

Компания уселась на большой валун, напилась воды, перекусила сухим пайком, после чего Шуанье еще немного пошарила вокруг в поисках.

Са Мо лениво развалился на камне и крикнул ей: — Побереги силы, думаешь, твои ноги тебе еще не понадобятся, когда пойдем вниз?

Он сначала сидел рядом с Юань Чжанем плечом к плечу, но вдруг резко развернулся спиной к нему и откинулся назад, прислонившись к его спине: — До чего же устал, позволь прислониться на минутку.

С этими словами он полностью перенес вес своего тела на эту живую опору, словно у него совсем не было костей.

Юань Чжаню было приятно такое проявление близости со стороны Са Мо, однако он прекрасно понимал: это просто привычка самого Са Мо, который никогда не обращал внимания на условности и пользовался любой возможностью поближе подобраться к людям, капризничая и лентяясь совсем как ребенок. Юань Чжаню доводилось видеть, как Са Мо этак же безвольно повисал на Ли Чжи, на Саньпао и на Сы-нян, и даже Чжан Су, Дин Цзя и Дин Шэнь устаивались того, что он закидывал на них свою ленивую руку. С точки зрения Юань Чжана, подобная степень телесного контакта, если не являлась намеренным оскорблением, могла означать лишь нарочитое сближение. Но было совершенно очевидно, что такие понятия, как правила приличия, дистанция и границы, для Са Мо практически не существовали. Этот парень со всеми держался так, словно они были старыми добрыми друзьями и самыми близкими родственниками.

Юань Чжань беспомощно усмехнулся, чувствуя, как тяжесть за спиной становится все больше, а откуда-то извне доносится тихое сопение. Са Мо заснул прямо так, прислонившись к нему. Юань Чжань сидел не шевелясь, позволяя тому опираться на себя, страшась потревожить его хоть малейшим движением. Так продолжалось до тех пор, пока Шуанье неизвестно откуда не притащила длинную травинку и не принялась озорно щекотать Са Мо в носу. Тот чихнул и проснулся, но вовсе не рассердился — лишь посмотрел на небо и произнес: — Пора выдвигаться. Спускаемся немедленно, до захода солнца нужно обязательно вернуться к подножию горы, иначе потом будут проблемы.

С этими словами он единым махом вскочил на ноги и протянул руку, поднимая Юань Чжана.

Шуанье же лениво сидела на камне, похлопывая себя по ногам, и ныла: — Только я вернулась, а ты уже говоришь, что пора идти. У меня ноги жутко болят, шагу не ступить.

Са Мо бросил на нее косой взгляд: — Я же говорил побережь силы! Неужто не слышала поговорку: подняться на гору легко, а спуститься трудно?

Шуанье скривила обиженную физиономию и умоляюще уставилась на Са Мо.

Са Мо настороженно отступил на шаг: — Ты чего? Опять затеваешь какую-то пакость?

Шуанье лукаво улыбнулась: — На выбор есть два варианта: либо я тащу ящик, а ты везешь меня на спине, либо ты везешь меня на спине, а я тащу ящик.

Са Мо скорчил жалобное лицо: — А в чем разница?

Шуанье нахмурилась и произнесла тем самым тоном, которым обычно пользовалась разгневанная Сы-нян: — Разве нет?

Са Мо тут же капитулировал: — Ладно, выбираю: ты несешь ящик, а я везу тебя.

После чего с крайне недовольным видом скривил губы в сторону Юань Чжана.

Юань Чжань мягко улыбнулся и предложил: — Ящик я могу понести.

Са Мо едва не прослезился от благодарности. Схватив Юань Чжана за руку, он затряс ее: — А-Чжань, да ты просто спасающий мир бодхисатва Гуаньинь!

Закончив, он резво сунул ящик в руки Юань Чжаню, присел перед Шуанье в полуприсяд, взвалил ее на спину и зашагал вниз по тропе.

Дин Цзя подошел к Юань Чжаню: — Молодой господин, давайте я понесу.

Юань Чжань передал коробку и последовал за Са Мо, наблюдая за его спиной с сидевшей на ней Шуанье. Они шли и о чем-то болтали, и в пустых горных просторах то и дело раздавался звонкий смех Шуанье.

Теперь, когда все зашло так далеко, Юань Чжань уже трезво смотрел на вещи. Но еще мгновение назад он был охвачен тайной радостью оттого, что Са Мо спал, прислонившись к нему, а в следующее мгновение ему пришлось смотреть, как тот весело болтает, неся на спине любимую девушку — разве могло у него на сердце быть легко?

Перед самым закатом они добрались до места встречи, где их уже поджидала повозка. Помимо Юань Чжана, все обитатели Фаньшэ сбились в кучу, шушукаясь друг с другом и обмениваясь добытыми сведениями.

Юань Чжань намеренно отошел от них на некоторое расстояние, однако взгляд его по привычке неотрывно следовал за спиной Са Мо.

Примерно через четверть часа они закончили совещание и уселись по повозкам, чтобы вернуться в город. Внутри экипажа царил молчание: Шуанье явно вымоталась и смотрела перед собой пустым взглядом, Са Мо погрузился в глубокие раздумья, а Юань Чжань с удовольствием наблюдал за тем, сколь умным и сосредоточенным выглядит погруженный в думы Са Мо.

Вернувшись в Фаньшэ, все вместе поужинали. Ли Чжи, Саньпао и Цзысу поспешно удалились.

Шуанье уже собиралась уходить, но Са Мо окликнул ее: — Ты куда это намылилась?

— В Далисы, — как само собой разумеющееся ответила Шуанье.

Са Мо редкостным для него командным тоном отрезал: — Не смей.

— Столько сокровищ ждут, с ними же надо разобраться.

Са Мо напустил на себя суровый вид: — Именно потому, что их так много, я и не пускаю. Я тебя не знаю, что ли? Стоит тебе пойти, и ты снова просидишь всю ночь без сна. Говорю тебе, если ты не будешь нормально выспаться, то сама скоро превратишься в ходячий труп.

— Но...

— Никаких но.

Шуанье обиженно надула губы: — Но мне вовсе не хочется спать.

Она избегала смотреть Са Мо в глаза.

Тон Са Мо мгновенно смягчился: — Я знаю, почему тебе не хочется спать.

Шуанье обиделась еще сильнее: — Раз знаешь, тогда зачем заставляешь!

Са Мо снова вернул прежнюю жесткость в голос: — Именно потому, что знаю, я и заставляю тебя нормально выспаться.

Шуанье упрямо отвернулась и, подхватив ящик, попыталась уйти, но Са Мо резко схватил ее за руку и произнес едва ли не угрожающим тоном: — У меня найдется тысяча способов уложить тебя спать.

Услышав это, Шуанье назло опустила ящик на пол и выдавила из себя фальшивую усмешку: — Ладно, как скажешь.

С этими словами она направилась в сторону комнаты Са Мо, на ходу бросив через плечо еще более дерзкую фразу: — Коли мастер на все руки, сделай так, чтобы я заснула и больше никогда не проснулась.

Лицо Са Мо в тот же миг помрачнело до предела, в глазах мелькнула вспышка боли. Он оцепенело смотрел в спину удаляющейся Шуанье и, охваченный сильнейшей тревогой, последовал за ней.

Юань Чжань никогда прежде не видел на лице Са Мо столь сурового выражения, равно как и промелькнувшей тени горя, сменившейся всеобъемлющей тоской. Подобная реакция, столь отличная от отношения к посторонним, возможна лишь по отношению к по-настоящему

близкому человеку. В глазах Юань Чжана тоже застыла глубокая скорбь: судя по всему, узы между этими двумя уже стали слишком прочными, и в их чувствах не оставалось никаких сомнений. При этой мысли накатившая тоска и сердечная боль начали лишь сильнее разрастаться по мере того, как сгущалась ночная тьма.

Позади комнаты Са Мо находилась комната Сы-нян: во внутренних покоях она жила сама, а в передней стояла мягкая кушетка, на которой Шуанье ночевала, когда оставалась в Фаньшэ.

Когда Са Мо вошел туда, Шуанье уже спала на кушетке. Сы-нян держала в руках пустую пиалу и спросила его: — Тебе тоже налить пиалу?

Са Мо отвел взгляд от Шуанье и бросил Сы-нян: — Вино «Сто цветов».

С этими словами он вышел наружу.

Сы-нян тяжело вздохнула и последовала за ним.

Юань Чжань к тому моменту уже поднялся наверх, собираясь вернуться в свою комнату на третьем этаже. Ступив на последний пролет лестницы, он услышал внизу шорох, повернулся назад и, выйдя на балкон третьего этажа, заглянул вниз. Он увидел, что Са Мо в одиночестве молча сидит в общем зале; вскоре оттуда вышла Сы-нян, поставила перед ним кувшин с вином, выставила две чашки и наполнила их одну за другой. Они так и уселись там, потягивая вино чашку за чашкой, не обмолвившись ни единым словом. А Юань Чжань просто молча смотрел на одинокую фигуру Са Мо, неспешно прикладывающегося к чаше.

<http://bllate.org/book/19379/1895091>